

силах вырваться из своей единичности, из тесной сферы своего чувственного эгоизма, которым ограничивается и в котором единственно заключается все его существование.¹

И вся животная органическая жизнь есть не что иное, как беспрерывное, ничем не разрешимое противоречие *всеобщности рода*, осуществляющегося и действительного только в бесконечном множестве единичных животных организмов и не достигающего себя в них, потому что каждое единичное, как не соответствующее всеобщему и как дополняемое со-вне другими животными организмами, конечно и вследствие своей конечности исчезает в бесконечной субстанциальности своего рода и уступает место другим единичным организмам, точно так же конечным и недостаточным и точно так же преходящим и смертным, как и оно.

Человек как единичный животный организм находится в точно таком же отношении к своему роду и точно так же конечен и преходящ, как и животное. Но, с другой стороны, он в единичности и конечности своей бесконечен и всеобщ². Каждый человек в единичности своей заключает всю бесконечную и всеобъемлющую полноту всеобщей абсолютной истины, и потому он не нуждается в дополнении другим; бесконечность не может быть дополнена, и сущность человеческого духа есть свобода, потому что, пребывая в себе, пребывая во внутренности существа своего, он пребывает в свободной, ничем не ограниченной истине и необходимости всего сущего. Всеобщее развивается, живет и обособляется по необходимости неизменным законам; но эта необходимость не стесняет его свободы, потому что она не положена и не ограничивает его со-вне, но составляет его собственную и единственную, все собой обнимающую, улавливающую и ничем со-вне не условленную сущность. Вследствие этого человеческий дух, как в единичности своей всеобщий, по сущности своей так же свободен и так же ничем не ограничен, как и всеобщая необходимая истина. Но если он в самом деле свободен, если он действительно заключает в себе всю полноту бесконечной истины, почему же он вместе и ограничен, и конечен, и недостаточен? Каким образом может он заблуждаться, страдать и стремиться к освобождению? Одно противоречит другому; как же разрешить это противоречие? Оно необходимо вытекает из двойственной природы человеческого духа, который есть бесконечная полнота и свобода всеобщей истины, с одной стороны, а с другой – единичный, конечный и преходящий индивид. Как естественное существо, человек так же связан и ограничен, как и животное. Правда, что организм его выше, полнее, а потому и свободнее всех других животных организмов; тело человеческое, как полное, совершенное осуществление органической и естественной жизни вообще, гармонически соединяет в себе все частные образования и процессы как органической, так и неорганической природы. Предчувствуя сию тотальность и полноту человеческого организма, древние мистики наименовали его *микрокосмом* (малым миром), и это название оправдалось новейшими открытиями естественной науки.

Вследствие этого человек не связан, подобно другим животным, особенным климатом, особенным родом жизни и пищи; всеобъемлемость его природы возвышает его над всяким ограничением и делает возможным то господство над всеми царствами природы, к которому он призван как существо разумное, как само сознательный сын бога живого и как причастник бесконечного духа его.

И, несмотря на это совершенство и на сию полноту и свободу своего организма, человек подвержен недостаткам, болезням, страданиям! Откуда же это происходит и не есть ли это новое противоречие? До сих пор мы говорили о человеке вообще, о всеобщем понятии человеческого организма, которое не существует как всеобщее, но осуществляется во множестве единичных естественных индивидов. Понятие, всеобщая сущность человеческого организма, как пребывающая в прозрачном и свободном эфире творческой, само осуществляющейся мысли, не заключает в себе недостатков и не подлежит разрушению, но не имеет также и действительности. Она действительна только в своем осуществлении, только в множестве единичных естественных индивидов, которые, как единичные и как пребывающие во внешности, находятся в непосредственном единстве с природой и определяемы климатом, географическим положением, родом пищи и т. д. Отсюда вытекают различия племен – национальные, семейные и, наконец, индивидуальные различия. Естественные индивиды как единичные,

¹ «Животное, – говорит Розенкранц в своей психологии, – есть *glebae adscriptus*; оно должно так действовать, как оно действует, и не может иначе действовать. Ограниченностью своей жизни оно заключено в очарованном круге, за который никогда перешагнуть не может; отсюда поразительная безошибочность от инстинкта»

Речь идет о работе К.Розенкранца «*Psychologie, oder Wissenschaft vom subjektiven Geist*» («Психология, или Наука о субъективном духе»). Königsberg, 1837.

² Человек, в котором разрушается тождество единичности и всеобщности, становится животным, потому что вне этого тождества он перестает быть разумным, перестает следовать разумным законам всеобщности и повинуеться только животным движениям своего единичного организма.